

Научная статья

УДК 165.6:81-119

doi: 10.18522/2072-0181-2026-126-5-14

ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ИХ СВЯЗЬ С ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКИМ НАСЛЕДИЕМ

Инна Николаевна Титаренко

*Институт управления в экономических, экологических и социальных системах Южного
федерального университета, Таганрог, Ростов-на-Дону, Россия,
intitarenko@sfsedu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1803-1366>*

Аннотация. Анализируются исследования категоризации в когнитивной лингвистике, включая теории категоризации А. Вежбицкой, Р. Лангакера, Л. Талми, Н. Хомского, Ж. Пиаже и др. Автор обосновывает, что ключевые идеи ряда лингвистических теорий категоризации, включая теорию концептов и теорию семантических примитивов, оказываются тесно связанными с философским вопросом о врожденном или приобретенном характере абстрактного знания. Этот вопрос является одним из ключевых вопросов гносеологии от Платона, Аристотеля, Платина до Канта, Фейербаха, представителей современных философских направлений. Применение научной методологии в когнитивных исследованиях XX–XXI вв. ведет к отказу от представлений о врожденности самих идей или какого-либо знания в целом с сохранением убеждения во врожденном характере ряда познавательных способностей и принципов.

Однако полемику по данному вопросу пока нельзя считать завершенной, что свидетельствует о глубине философской дилеммы «врожденное-приобретенное», поставленной еще в античной философии.

Ключевые слова: когнитивные науки, когнитивная лингвистика, концепт, семантические примитивы, врожденное знание, приобретенное знание, рационализм, сенсуализм, трансцендентализм, история философии

Для цитирования: Титаренко И.Н. Исследования категоризации в современной когнитивной лингвистике и их связь с историко-философским наследием // Научная мысль Кавказа. 2026. № 2. С. 5–14.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-126-5-14

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

CATEGORIZATION STUDIES IN MODERN COGNITIVE LINGUISTICS AND THEIR RELATIONSHIP TO HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL HERITAGE

Inna N. Titarenko

*Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog Rostov-on-Don, Russia,
intitarenko@sfsedu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1803-1366>*

© Титаренко И.Н., 2026

Abstract. The article analyzes categorization studies in modern cognitive linguistics, including categorization theories by A. Wierzbicka, R. Langaker, L. Talmi, N. Chomsky, J. Piaget and others. The author justifies that the key ideas of many linguistic theories of categorization, including the theory of concepts and the theory of semantic primitives, lead to the philosophical question of the innate or acquired nature of abstract knowledge. This question is one of the key questions of epistemology from Plato, Aristotle, and Plotinus to Kant, Feuerbach and representatives of modern philosophical trends. The use of scientific methodology in cognitive research of the XX–XXI centuries leads to the rejection of ideas about the innate nature of any knowledge, while maintaining the belief in the innate nature of a number of cognitive abilities and principles. However, the controversy on this issue continues, which testifies to the depth of the philosophical dilemma «innate-acquired,» set in ancient philosophy.

Keywords: Cognitive Sciences, Cognitive Linguistics, Concept, Semantic Primitives, Innate Knowledge, Acquired Knowledge, Rationalism, Sensualism, Transcendentalism, History of Philosophy

For citation: Titarenko I.N. Categorization Studies in Modern Cognitive Linguistics and their Relationship to the Historical and Philosophical Heritage. *Naučnaâ mysl' Kavkaza*. 2026. No. 2. P. 5–14. (*In Russ.*).

doi: 10.18522/2072-0181-2026-126-5-14

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Original article

В современных когнитивных науках, включая когнитивную лингвистику и когнитивную психологию, огромное значение имеет проблема категоризации. И это объяснимо, ведь категоризация представляет собой сложный мыслительный процесс, направленный на упорядочение познавательного опыта и основанный на таких когнитивных способностях, как память, внимание, воображение, рассуждение, распознавание, абстрагирование и др. Именно категоризация играет ключевую роль в построении «ментального мира» [1] и «языковой картины мира» [2], поскольку она является тем процессом, благодаря которому человек классифицирует явления, устанавливает связи между ними, выявляет сходства и различия объектов. Тем самым категоризация, по заключению, например, Е.С. Кубряковой, является основополагающей когнитивной способностью человека и вследствие этого представляет огромный интерес для когнитивной лингвистики, считаясь одним из ее важнейших понятий: «Тесно связанное со всеми когнитивными способностями человека, оно также связано со всеми компонентами самой когнитивной системы – вниманием и распознаванием объектов, умозаключениями, памятью. Способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, рядам и категориям свидетельствует о том, что человек в процессе восприятия мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различиях» [3, с. 97].

В отношении категоризации для когнитивной лингвистики важным является выявление роли языка в процессе категоризации, особенностей категоризации, критериев отнесения элементов к той или иной категории, изучение самих категорий различного вида и т.п. Тем самым языковая категоризация выступает в качестве одной из базовых проблем современной когнитивной лингвистики [4, с. 12]. Исследованиями, связанными с категоризацией, занимались, в частности, Р. Лангакер, Дж. Лакофф, В. Чейф, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, Л. Талми, Д. Чандлер, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Заботкина, Е.Л. Боярская и др.

Учитывая, что тема категоризации неизбежно выводит на такие более общие вопросы, как соотношение мышления и языка, роль чувственных и рациональных способностей в познании, происхождение абстрактного знания и ряд других, можно считать вполне закономерным, что многие современные лингвистические концепции категоризации имеют глубокие, хотя иногда и неочевидные, связи с историей философии. Используя актуальные эмпирические данные и категориальный аппарат, они фактически развивают идеи и продолжают дискуссии, которые зародились еще в глубокой древности. Выявление связей когнитивной лингвистики с историко-философским наследием может иметь определенный эвристический потенциал для дальнейшей научной работы в области категоризации. Вследствие

этого в настоящей статье будет предпринят анализ некоторых влиятельных теорий категоризации в их соотношении с ключевыми идеями философской гносеологии.

Одной из таких авторитетных доктрин является теория концептов Рональда Лангакера и Леонарда Талми, предложивших рассматривать и язык, и когнитивные процессы как постоянное взаимодействие концептуальных структур – концептов [5, р. 1–3; 6, р. 21–22]. Концепт выступает ментальной единицей, мыслительным образом, стоящим за языковым знаком, когнитивным шаблоном. Концепты в качестве когнитивных шаблонов участвуют во многих мыслительных процессах – анализе контекстуальных связей, метафорическом моделировании, интеграции концептов в более сложные системы [5, р. 16–17]. Отметим, что сам термин «концепт» в английском языке происходит от латинского термина «conceptus – понятие, идея, схваченное» и восходит к глаголу «conspicere – задумывать», а его синонимами в русском языке будут такие слова как идея, мысль, ментальный образ, понятие, отражающее общие свойства класса вещей, и т.п. Более того, практически любые когнитивные процессы с точки зрения когнитивной лингвистики можно рассматривать как действия с концептами, оперативными единицами мышления, гештальтами [7]. Выступая оперативной единицей, концепт достаточно краток и сжат. Он представляет собой минимализацию смысла, «тонкую плёнку» [8]. Однако, будучи минимализацией, он содержит в концентрированном, максимально обобщенном виде отражение общечеловеческого и культурноспецифического опыта [9]. Тесная взаимозависимость концептов с культурой детерминирует тот простой факт, что интерес к их анализу характерен, конечно, не только для когнитивных лингвистов, но также для когнитивных философов и когнитивных культурологов [10]. При этом, исследуя и анализируя концепты в любом аспекте, нельзя сводить их к словам. Ю.Е. Прохоров указывает, что концепт может быть рассмотрен как совокупность элементов разного уровня, используемых для обозначения какого-либо сегмента картины мира и имеющих наименование в языке [11].

Концепт вместе с тем может быть разложен на элементарные смыслы, далее неразложимые и семантически универсальные, которые в когнитивной лингвистике именуют «семантическими примитивами» [12, с. 235–239] (термин предложен А. Вежбицкой). Например,

к семантическим примитивам можно отнести «я», «могу», «что-то», «это», «хотеть», «двигаться», «чувствовать» и т.п. Это те слова, которые необходимы для понимания всех других слов. Любой из естественных языков, как считают исследователи, обладает общим относительно небольшим по количеству набором таких семантических примитивов (в пределах ста). Важно при этом подчеркнуть, что в когнитивной лингвистике достаточно часто встречается представление о том, что семантические примитивы являются общим праязыковым наследием человечества, и их понимание дано ребенку с рождения. Семантические примитивы, по мнению А. Вежбицкой и ряда других авторитетных лингвистов, универсальны и являются либо врожденными, либо настолько необходимыми, что субъекту они понятны непосредственно и интуитивно [13, р. 185]. В своей совокупности семантические примитивы составляют некий универсальный семантический метаязык, по существу представляющий собой язык для выражения смысла, заключенного в самих языках [14, р. 34]. Представление о врожденном характере семантических примитивов в современной когнитивной лингвистике обнаруживает сходство с философскими теориями познания докантовского периода. Интересно, что сама Анна Вежбицкая в этом контексте упоминает философию Рене Декарта (его представление о существовании врожденных «ясных и отчетливых идей»), Готфрида Лейбница (его идеи об «алфавите человеческих мыслей»), Джона Локка (который хотя и был противником врожденности каких-либо знаний, тем не менее, развивал представления о «простых идеях»), считая подобные философские взгляды аналогами теории о семантических примитивах [12, с. 18; 13, р. 30–31]; и др.

Тем самым А. Вежбицкая вовлекает в современный научный контекст когнитивной лингвистики широкий пласт философских теорий, разрабатывавших в разных аспектах и с разной глубиной проблему врожденного знания. Сама эта проблема, как и ряд других аспектов предметного поля современных когнитивных наук [15, с. 5–7], уходит корнями в глубокую древность. Наиболее фактурно и отчетливо в античности она была представлена в учении Платона, доказывавшего наличие в нашем разуме знаний о таких объектах, которые не даны человеку в чувственном опыте. Бессмертная человеческая душа в сверхчувственном мире

созерцала идеи, но, соединившись со смертным телом, забыла их. Познавая материальные объекты, душа способна вспомнить идеи, знание которых находится в самой душе в скрытом состоянии. Отсюда вытекает знаменитый вывод Платона о том, что знание есть припоминание (*ἀναμνήσεως*): «Ведь так как в природе все имеет сродство и душа знала все вещи, то ничто не препятствует ей, припомнив только одно, – а такое припоминание люди называют наукою, – отыскивать и прочее, лишь бы человек был мужествен и не утомлялся исследованиями» [16, 81cd, с. 589]. Весь чувственный опыт человека может быть сопричастен истине лишь в той мере, в какой он сопричастен идеям. Не повторяя известный фрагмент из платоновского диалога «Менон», в котором несведущий в математике юноша с помощью наводящих вопросов доказывает теорему Пифагора [16, 82a-86b, с. 589–597], чем, как представляется Платону, убедительно подтверждается тезис о латентном пребывании всех необходимых знаний в самой душе испытуемого, отметим, что ряд фрагментов этого древнегреческого философа дает основания находить в его учении черты «чистого и логического трансцендентализма» [17]. Во многом благодаря Платону учение о врожденном знании (или, лучше было бы употребить термин «изначально присущем знании», объединив в этом понятии воедино врожденное и априорное знание) стало одним из ключевых представлений в европейской философии.

Уже в античности мы обнаружим различные варианты развития платоновской гносеологии, в том числе один из них – в неоплатонизме. В частности, в соответствии с учением Плотина, познающая душа в своем дискурсивном мышлении опирается на идеи Ума, который подобен солнцу, изливающему свой собственный свет. Свет Ума является для души светом истины. В идеях душа так же видит умопостигаемое содержание телесного, как глаз видит предметы в чувственно воспринимаемом свете. Идеи находятся в самой душе, но пребывают в ней в смутном состоянии, подобно тому как наука еще до ее изучения дана в душе ученика [18]. Следовательно, чтобы приблизиться к идеям, необходимо сосредоточиться на собственном внутреннем мире. Следуя за Платоном, Плотин нередко пишет о припоминании идей, которые служили предметом созерцания для души в период ее жизни, предшествовавший воплощению в смертном теле [19, IV, 7, 12;

IV, 8, 4, с. 347–348, с. 382–384]; и др. Однако такое повторение платоновских постулатов выглядит у Плотина не вполне последовательным. Если у Платона душа созерцала идеи когда-то ранее, до вселения в смертное тело, то Плотин достаточно четко проводит мысль о том, что идеи всегда имеются в душе в силу ее постоянной причастности Уму, изливающему в нее свет истины, будучи, тем не менее, выше нее. Подобные неоплатонические идеи прямо повлияли на Августина Блаженного, у которого обнаруживается не только развернутое и аргументированное представление об изначально присущем душе знанию, но и критика платоновской теории припоминания с явной опорой на неоплатонизм.*

В философии Августина Блаженного учение о врожденном знании занимает существенное место. К таковому он относит законы логики и математики, «истину числа», принципы эстетической и нравственной оценки, принципы мышления вообще, которые человек находит в памяти в готовом виде. Единство, всеобщность, неизменность этих принципов свидетельствуют, как утверждает Августин, о невозможности для человека получить их из чувственного опыта, имеющего дело с непостоянными, изменчивыми объектами. «Если мы оба видим, что истинно излагаемое тобой, и оба видим, что истинно излагаемое мной, то спрашиваю, где это мы видим? Конечно, ни я не вижу этого в тебе, ни ты во мне; но оба видим в самой неизменяемой истине, которая выше наших умов» [23, XII, 35, с. 212]. Таковы, например, математические истины, присущие всем мыслящим людям как потенциальная возможность, но постигаемые способными и неспособными к ним людьми в различной степени, с разной легкостью и глубиной [24, II, 32, с. 50; II, 34, с. 51–52; и др.]. Как следствие, Августин утверждает, что наука о числах, как и другое истинное знание, не установлена, а лишь открыта людьми. Он повторяет идеи Сократа и Платона о припоминании [25]. Однако, позаимствовав в платонизме учение о припоминании (*commemoratio*), Августин существенно его трансформировал, исключив все то, что было так или иначе связано с теорией метемпсихоза. Он не разделяет представление об укоренении истинного знания в душе человека, вследствие того, что она созерцала мир идей

* Влияние неоплатоников, в частности Плотина и Порфирия, на учение Августина в настоящее время достаточно подробно исследовано [20–22]).

в своем существовании, предшествовавшем вселению в смертное тело, или, ввиду того, что душа постигала эти знания в одном из прошлых своих земных воплощений. Показательна в связи с этим критика Августином истории с «припоминанием» геометрических знаний из платоновского «Менона», изложенная в трактате «О Троице»: если бы правильные ответы юноши, отвечающего на вопросы наставника, были припоминанием тех знаний, которые он осваивал в своей предшествующей жизни, то этот юноша в той жизни должен был бы быть геометром, а, значит, далеко не каждый мог бы ответить на вопросы аналогичным правильным образом, поскольку геометры «столь редки в роде человеческом, что с трудом можно обнаружить хотя бы одного» [26]. Наличие врожденных идей Августин Блаженный объясняет отличным от Платона образом, а именно, освещением человеческого ума божественным светом. Природа ума дает познающему субъекту, в соответствии с установлениями Бога, возможность видеть умопостигаемые объекты в бестелесном свете, подобно тому, как глаз видит то, что окружает его, в телесном свете (связь с неоплатонизмом вплоть до контекстуальных пересечений здесь очевидна). Если юноша дает правильные ответы на вопросы из области геометрии, значит, в его уме присутствует свет божественного разума, от которого и идут эти правильные ответы. Все истинное, таким образом, исходит от Бога как от ипостасной Истины [23, XIII, 38, с. 236]. Тем самым Августин Блаженный, позаимствовав «припоминание» в философии Платона, радикально преобразовал эту теорию с опорой на христианскую религию и неоплатонизм. Его идея о врожденности самих принципов мышления оказывается чрезвычайно важной с позиций современной когнитивной лингвистики.

Учение о врожденном знании и врожденности принципов мышления оказалось очень устойчивым и, пережив Средние века и Возрождение, было последовательно проведено Декартом в Новое время. Этот философ выделял три вида идей, одни из которых являются врожденными, другие – благоприобретенными, третьи же – измышляемыми самим человеком [27, с. 31]. Важно понимать, что в работах Декарта невозможно найти исчерпывающий перечень идей, которые этот философ считал врожденными, и с уверенностью это можно говорить лишь о некоторых идеях (например, об идее Бога или идее «я» как мыслящей субстанции).

Полемизируя с Локком, Декарт поясняет: «Я никогда не писал и не утверждал, что ум нуждается во врожденных идеях, как в чем-либо отличном от его способности мышления. Но когда я обращал внимание на некоторые познания, существующие во мне, которые не происходят ни от внешних чувств, ни от решения моей воли, но от одной способности мышления, мне присущей, то эти идеи или познания я различал от других пришедших или выдуманных и называл их врожденными...» [27, с. 76]. Картезианская врожденная идея, как следует из приведенного отрывка, есть потенциал, росток ясного и достоверного знания, способность разума образовать идею из самого себя. Сходной позиции придерживается Лейбниц, сравнивающий душу с каррарским мрамором, прожилки которого задают возможность будущей скульптуры и определяют, что из него может получиться статуя Геркулеса. Аналогичным образом врожденные идеи задают саму возможность истинного знания: и идеи, и истины нам врождены, как склонности, расположения, привычки или как естественные возможности (*comme des inclinations, des dispositions, des habitudes ou des virtualites naturelles*)» [28, с. 160–163]. Следствием стремления Лейбница к систематизации мышления и языка стала выдвинутая им концепция алфавита человеческих мыслей (*alphabetum cogitationum humanarum*), в соответствии с которой все самые сложные идеи (метафизические, научные, математические) могут быть разложены на простые идеи, число которых невелико и которые можно было бы обозначить одним кратким символом. Тем самым Лейбницем была предпринята попытка представить мыслительный процесс в виде вычислительной комбинаторики. И хотя этот великий логик и математик впоследствии отказался от подобных попыток, считая их проявлением своей теоретической незрелости, его концепция повлияла на развитие методов систематизации и представления информации, предвосхитив появление языков программирования.

Нередко к сторонникам теории врожденных идей относят также и Канта с его учением об априорных формах [29]. Однако в связи с этим следует отметить, что данное отнесение не вполне верно, ведь в работах этого мыслителя нет прямого указания на то, что априорные формы являются врожденными. Кант сумел удержаться от прямого утверждения об их врожденности человеческой чувственности и рассудку, а значит, удержаться и от тех сложностей, с

которыми столкнулся Декарт, пытаясь заняться поиском источника врожденного знания. Даже само допущение о врожденности знания Кант признает теоретически неверным, ведь оно создает опасность скатиться к философии лентяев, которые, апеллируя к первой причине, считают всякое дальнейшее исследование эпистемологических вопросов бесполезным. Вместе с тем, осознавая, что Кант прямо не относит априорные формы к врожденному знанию, следует также учесть, что априорные формы возникают вследствие действия ума, «координирующего свои ощущения по вечным законам как неизменный и потому созерцательно познаваемый прообраз» [30]. Таким образом, немецкий философ допускает существование вечных законов ума.

История философии изобилует именами философов, придерживавшихся концепции врожденного знания (Иоанн Скотт Эриугена, Марсилио Фичино, Эдвард Герберт Чербери, Ральф Кедворт, Генри Мор, Николя Мальбранш и др.). Не менее представительна и критика этой концепции (Абу Али Ибн-Сина, Этьенн Бонно де Кондильяк, Клод Адриан Гельвеций, Поль-Анри Гольбах, Людвиг Фейербах и др.). Так, например, уже Аристотель выступал против платоновской концепции припоминания, указывая, что разум до начала процесса мышления обладает лишь возможностью содержания, но не действительным содержанием. Лишь начиная мыслить, разум обретает актуальность, становится «местом идей». Аристотель в силу этого обстоятельства сравнил разум до начала процесса мышления с чистой табличкой, у которой есть лишь возможность быть исписанной. Ошибочно, как писал он в трактате «О душе», считать, что в разуме «должно быть то, что он думает, точно так же, как можно сказать, что символы находятся на табличке, на которой ещё ничего не написано: именно это и происходит с умом» [31]. Эти рассуждения Аристотеля повлияли на критику картезианской гносеологии Локком, уподобившим человеческий разум чистой доской (*tabula rasa*), на которой до начала чувственного опыта ничего не написано. Локк указывает, что не видит оснований верить в то, что «душа мыслит прежде, чем чувства снабдят ее идеями для мышления» [32, с. 166]. Локк считал опыт источником всякого знания, указывая лишь два возможных опытных источника последнего – внешнее чувство как источник идей о вещах и рефлексию как источник идей о деятельности ума (мышлении, познании,

рассуждении, желании). Причем представления о рефлексии, содержащиеся в работах этого английского философа, послужили одним из важнейших истоков для психологической теории интроспекции Вильгельма Вундта и Эдварда Титченера. В частности, Гилберт Райл [33] и Ричард Рорти [34] указывали на то, что понятия рефлексии и интроспекции определенно схожи. Внешний опыт и рефлексия дают человеку простые идеи, своеобразные «кирпичики» знания, из которых могут быть образованы все сложные идеи. Локк считает, что простые идеи приходят из опыта и наполняют собой сознание. По мере же того, как разум осваивается с этими простыми идеями, они помещаются в памяти человека вместе с данными им именами. «Затем, продвигаясь вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен» [32, с. 211]. Английский философ большое внимание уделяет категоризации, разбирая вопрос об образовании некоторых категорий (субстанция, пространство, время, дух, число, причина, следствие, человек и др.). При этом Локк, если и подчеркивает знаково-символическую природу всеобщего, то постоянно указывает, что она опирается на объективное сходство вещей [35, с. 216–217]. Помимо тех, кто занимал резко противоположные позиции в отношении врожденного знания, были в истории философии и те, кто пытался примирить противоположные подходы как, например, Герберт Спенсер, заявивший о возможности передачи опытного знания по наследству, вследствие чего для отдельного индивида оно может выступать как априорное. То, что априорно для индивида, апостериорно для вида в целом [36, с. 110].

Вот эту сложнейшую и обстоятельную историко-философскую полемику вовлекает в когнитивную лингвистику при рассмотрении проблемы категоризации А. Вежбицкая. При этом важно подчеркнуть, что представления о врожденности определенных ментальных единиц характерны, конечно, не только этому автору. Например, Дж. Фодор выдвинул гипотезу о существовании некоего врожденного языка мышления, которым оперирует сознание и который не связан напрямую с коммуникацией между агентами [37; 38]. В силу этого обучение, в понимании Дж. Фодора, основано на индуктивном умозаключении, которое подтверждает некоторую гипотезу в отношении связи врожденного понятия и действительного положения дел. Р. Джекендофф, во многом

двигаясь вслед за Дж. Фодором, также основывал концептуальную систему человека на некоторых врожденных правилах оформления и концептуальных примитивах, лежащих в фундаменте любых сложных концептуальных структур. Джекендофф, в частности, утверждал, что в различных концептуальных структурах человека можно обнаружить только конечный набор концептуальных правил оформления, которые универсальны и врождены (*universal and innate*) ему, чем обусловлена присущая всем людям способность разрабатывать концепты. Действительно же разрабатываются, становятся реальностью, по мнению этого исследователя, только те концепты, которые опосредованы опытом [39, р. 17]. Как следствие, Р. Джекендофф сравнивает процесс построения концептуальной системы со строительством объектов в конструкторе «лего» [39, р. 191].

Однако, безусловно, ярчайшим и наиболее влиятельным представителем нативизма в когнитивной лингвистике следует считать Ноама Хомского. Он утверждал, что категориальные структуры мышления, законы формирования и понимания грамматических языковых структур, творческие способности генетически закодированы в наследственности конкретного человека. Они выступают той врожденной, генетически заданной основой, которая определяет освоение человеком транслируемого ему извне знания. Значительные аспекты нашего знания и понимания, таким образом, являются врожденными, выступают частью биологического наследия «наравне с прочими элементами нашей общей природы, благодаря которым у нас вырастают руки и ноги, а не крылья» [40, с. 134]. Без этой врожденной основы, как считает Хомский, у ребенка не было бы возможности быстро и эффективно освоить язык. Он выдвигает гипотезу о существовании некой универсальной грамматики как всеобщей системы принципов и правил, характерных абсолютно для всех языков и выступающих их основанием. Это подтверждается исследованиями прямой связи развития определенных участков мозга с развертыванием наследственной генетической информации, изучением разлученных в раннем возрасте однояйцевых близнецов, демонстрирующих сходство сложных познавательных действий и поведения, а также многими другими опытными данными. Тем не менее, у этой влиятельной лингвистической концепции имелись существенные слабые стороны, которые стали предельно ясны во

время прямой полемики Ноама Хомского и Жана Пиаже, авторитетного специалиста в области детской психологии. В противовес теории Хомского, Пиаже в рамках своей генетической эпистемологии обосновывал, что языковые и другие когнитивные способности формируются вследствие социализации. Логико-математические структуры являются прямым результатом практических операций ребенка с предметами. У человека не существует каких бы то ни было априорных или врожденных когнитивных структур, и наследственным является только функционирование самого интеллекта, порождающего структуры лишь путем организации последовательных действий с объектами [41, с. 90]. Проблемой для нативизма является невозможность объяснить, как закодированы в генотипе категориальные структуры и в особенности гениальные способности писателей, композиторов, художников, а также опасность вывода о разумности самих генов. Сторонникам врожденности познавательных структур нечего возразить и на ясный эмпирический аргумент, связанный с тем, что у ребенка, «выпавшего» по каким-либо причинам из социальной среды и лишённого человеческого общения, когнитивные способности в полном объеме не формируются.

Вместе с тем имеются сложности и в когнитивных теориях эмпирически приобретенного знания. С этой точки зрения оказывается чрезвычайно сложно объяснить то, что человеческий опыт весьма избирателен, и одно и то же содержание люди могут интерпретировать различным образом. Не вполне понятно, вследствие чего дети из одной и той же семьи демонстрируют принципиальные различия по своим когнитивным способностям и поведению, чем объяснить феноменальную скорость усвоения информации и освоения языка детьми и т.п. Все это свидетельствует о том, что полемика далеко еще не окончена. В этот спор сторонников врожденности когнитивных структур и их оппонентов, отстаивающих исключительно приобретенный характер этих структур, органично вовлечены идеи классиков философии (Августина, Декарта, Лейбница, Локка и др.), получающие новый фундамент благодаря эмпирическим данным современной когнитивной науки. С уверенностью можно сказать, что применение научной методологии в лингвистических исследованиях XX–XXI вв. привело к отказу от представлений о врожденности самих идей и какого-либо знания в

целом с сохранением убеждения во врожденном характере ряда когнитивных способностей и принципов (с последним, видимо, как было показано выше, согласился бы и Декарт, и Локк). Действительно, врожденность самого знания не вполне отвечала бы целям приспособления человека к быстро изменяющимся условиям окружающей среды. Этой же причиной обусловлено и отрицание в подавляющем большинстве лингвистических концепций внебиологического, сверхчувственного или сверхрационального источника когнитивных способностей, принципов и механизмов познания. Незавершенность давнего философского спора свидетельствует о том, что сама дилемма «врожденное – приобретенное», поставленная еще в античности, была настолько глубока, что задала развитие гносеологии на многие века вперед, сохраняя вполне определенное эвристическое значение для современной когнитивной науки.

Список источников

1. *Langacker R.W.* A Overview of Cognitive Grammar // *Topics in cognitive linguistics*. Ed. by B. Ruzfka-Ostyn. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins Publishing Company, 1988. 704 p. P. 55.
2. *Weisgerber L.* Grundzüge einer inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf: Schwann, 1962. 431 s. S. 133.
3. *Кубрякова Е.С.* Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 1999. Т. 58. №5–6. С. 3–99.
4. *Кряжевских Н.Н.* Категория в когнитивной лингвистике // *Вестник Вятского государственного университета*. 2010. № 4 (2). С. 12–15.
5. *Langacker R.W.* An Introduction to Cognitive Grammar // *Cognitive Science*. 1986. № 10. P. 1–40.
6. *Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1. Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring System. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 559 p. P. 21–22.
7. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с. С. 386.
8. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2007. 248 с. С. 63.
9. *Серова И.Г.* Теория семантических примитивов и ее применение в описании концептов и фреймов // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 5 (66). С. 339–341.
10. *Драч Г.В.* Европейская культурная традиция и мы: идеи М.К. Петрова // *Вопросы философии*. 2024. № 9. С. 104–114.
11. *Прохоров Е.Ю.* В поисках концепта. М.: Флинта, Наука, 2009. 170 с. С. 152.
12. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
13. *Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. N.Y.: Oxford University Press, 1996. 376 p.
14. *Sériot P.* Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2005. Ns. 57. P. 23–43.
15. *Титаренко И.Н.* Античные корни вопроса о достоверности знания в современных когнитивных науках // *Научная мысль Кавказа*. 2025. № 3. С. 5–16.
16. *Платон.* Менон // *Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1.* М.: Мысль, 1993. 862 с.
17. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии // *Лосев А.Ф., Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2.* М.: Мысль, 1993. 962 с. С. 284.
18. *Плотин.* Третья эннеада. III. 8. 4. Пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 480 с. С. 429.
19. *Плотин.* Четвертая эннеада. Пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 480 с.
20. *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. 431 с.
21. *Dörrie H.* Porphyrios als Mittler zwischen Plotin und Augustin // *Antike und Orient im Mittelalter: Vorträge der Kölner Mediaevistentagungen 1956–1959*. Ed. by Paul Wilpert and Willehad P. Eckert, Berlin, Boston: De Gruyter, 1971. 289 s.
22. *Фокин А.Р.* Премудрость Божия как ars Dei у блж. Августина: между неоплатонизмом и христианством // *Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ*. 2016. №5 (72). С. 9–19.
23. *Августин Блаженный.* Исповедь, 35 // *Августин Блаженный. Исповедь*. СПб.: Наука, 2013. 379 с.
24. *Августин Блаженный.* О свободе воли. Книга вторая // *Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т. 1.* СПб.: РХГИ, 2001. 539 с. С. 25–65.
25. *Августин Блаженный.* О количестве души, XX // *Августин Блаженный. О бессмертии души*. М.: АСТ, 2004. 511 с. С. 325.
26. *Аврелий Августин.* О Троице, XII, 24 // *Аврелий Августин. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан*. Краснодар: Глагол, 2004. 416 с. С. 277.
27. *Декарт.* Размышления о первой философии, III // *Декарт. Сочинения: в 2 т. Т. 2.* М.: Мысль, 1994. 633 с.
28. Арифметическое исследование комплексов, осуществленное в знаменитой Лейпцигской

- Академии с разрешения прославленного философского факультета в соискание должности М. Готфридом Вильгельмом Лейбницем // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 159–166.
29. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории наук. М.: Русский двор, 1998. 255 с. С. 144.
 30. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 485 с. С. 408.
 31. Аристотель. О душе, III, 4, 429b30 – 430a5 // Аристотель. О душе. Пер. с древнегреч. П.С. Попова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 260 с. С. 94–99.
 32. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении, II, 20 // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т.1. М.: Мысль, 1985. 627 с.
 33. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с. С. 162.
 34. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. 320 с. С. 38.
 35. Гольцев Д. Гносеология Джона Локка // Христианское чтение. 2008. № 29. С. 201–221.
 36. Рожин Д.О. Кантовский априоризм и дискуссия между эмпиристами и нативистами в современной когнитивной науке // Философский журнал. 2025. № 1. С. 101–116.
 37. Fodor J.A. The Language of Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. 214 p. P. 65.
 38. Fodor J.A. Representations. Cambridge, MA: MIT Press, 1981. 343 p. P. 272.
 39. Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983, 283 p.
 40. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1995. № 4. С. 130–157.
 41. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Пиаже Ж. Семиотика. Сост. Ю.С. Степанов. М.: Радуга, 1983. 634 с. С. 90–101.

References

1. Langacker R.W. A Overview of Cognitive Grammar. In: *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins Publishing Company, 1988, 704 p. P. 55. (In Russ.).
2. Weisgerber L. *Foundations of a Content-Related Grammar*. Düsseldorf: Schwann, 1962. 431 p. P. 133. (In Germ.).
3. Kubryakova E.S. Semantics of Cognitive in Linguistics (on the Principles, Containers and Forms of their Objectification in Language). *News of the Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1999. Vol. 58. No. 5–6. P. 3–99. (In Russ.).
4. Kryazhevskikh N. N. Category in Cognitive Linguistics. *Bulletin of Vyatka State University*. 2010. No. 4 (2). P. 12–15. (In Russ.).
5. Langacker R.W. An Introduction to Cognitive Grammar. *Cognitive Science*, 1986. No. 10. P. 1–40.
6. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1. Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring System. Cambridge, MIT Press, 2000. 559 p. P. 21–22.
7. Kubryakova E.S. *Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. Role of Language in World Cognition*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2004. 556 p. P. 386. (In Russ.).
8. Stepanov Yu.S. *Concepts. The Thin Membrane of Civilization*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2007. 248 p. P. 63. (In Russ.).
9. Serova I.G. Theory of Semantic Primitives and its Application in the Description of Concepts and Frames. *World of Science, Culture, Education*. 2017. No. 5 (66). P. 339–341. (In Russ.).
10. Drach G.V. European Cultural Tradition and We: Ideas of M.K. Petrov. *Questions of Philosophy*. 2024. No. 9. P. 104–114. (In Russ.).
11. Prokhorov E.Yu. *In Search of a Concept*. Moscow, Flint, Science, 2009. 170 p. P. 152. (In Russ.).
12. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Keywords*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2001, 288 p. (In Russ.).
13. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. N.Y., Oxford University Press, 1996. 376 p.
14. Sériot P. Oxymoron or Misunderstanding? The Universalist Relativism of Anna Wierzbicka's Universal Natural Semantic Metalanguage. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2005. No. 57. P. 23–43. (In French.).
15. Titarenko I.N. Antique Roots of the Question of the Reliability of Knowledge in Modern Cognitive Sciences. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2025. No. 3. P. 5–16. (In Russ.).
16. Plato. Menon, 81 cd. In: *Plato. Collected works*. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl', 1993, 862 p. (In Russ.).
17. Losev A.F. Essays on Ancient Symbolism and Mythology. In: Losev A.F. *Collected Works*. In 9 vol. Vol. 2. Moscow, Mysl', 1993. 962 p. P. 284. (In Russ.).
18. Plotinus. *Third Ennead*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publishing House, 2004, 480 p. P. 429. (In Russ.).
19. Plotinus. *Fourth Ennead*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publishing House, 2004. 480 p. (In Russ.).
20. Mayorov G.G. *Formation of Medieval Philosophy. Latin Patristics*. Moscow, Mysl', 1979. 431 p. (In Russ.).
21. Dörrie H. Porphyry as a Mediator between Plotinus and Augustine // *Antiquity and the Orient in the Middle Ages: Lectures from the Cologne Medieval Conferences 1956–1959*. Ed. by Paul Wilpert and Willehad P. Eckert. Berlin, Boston: De Gruyter, 1971. 289 p. (In Germ.).
22. Fokin A.R. The Wisdom of God as ars Dei in the Blessed Augustine: between Neoplatonism and

- Christianity. *Bulletin of PSTSU. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church*. 2016. Vol. 5 (72). P. 9–19. (In Russ.).
23. Augustine the Blessed. Confession, XII, 35. In: *Augustine the Blessed. Confession*. St. Petersburg, Nauka, 2013 379 p. (In Russ.).
 24. Augustine the Blessed. On Free Will. Book 2. In: *Anthology of Medieval Thought (Theology and Philosophy of the European Middle Ages)*: In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, RHGI, 2001, 539 p. P. 25–65. (In Russ.).
 25. Augustine the Blessed. On the Quantity of Soul, XX. In: Augustine the Blessed. *On the Immortality of the Soul*. Moscow, AST, 2004. 511 p. P. 325. (In Russ.).
 26. Aurelius Augustine. About Trinity, XII, 24. In: Aurelius Augustine. *About the Trinity: In Fifteen Books against the Arians*. Krasnodar, Glagol, 2004, 416 p. P. 277. (In Russ.).
 27. Descartes. Reflections on the First Philosophy, III. In: Descartes. *Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl', 1994. 633 p. (In Russ.).
 28. Arithmetic Study of Complexes Carried out at the Famous Leipzig Academy with the Permission of the Famous Faculty of Philosophy for the Position of M. Gottfried Wilhelm Leibniz. *Questions of Philosophy*, 2011. No. 2. P. 159–166. (In Russ.).
 29. Follmer G. *Evolutionary Theory of Cognition: Innate Structures of Cognition in the Context of Biology, Psychology, Linguistics, Philosophy and Theory of Sciences*. Moscow, Russkiy Dvor, 1998. 255 p. P. 144. (In Russ.).
 30. Kant I. On the Form and Principles of a Sensually Perceived and Intelligible World. In: Kant I. *Works*. In 6 vols, vol. 2. Moscow, Mysl', 1964. 485 p. P. 408. (In Russ.).
 31. Aristotle. On the Soul, III, 4, 429b30–430a5. In: Aristotle. *On the Soul*. Moscow, RIPOL classic, 2020. 260 p. P. 94–99. (In Russ.).
 32. Locke J. Experience on Human Understanding, II, 20. In: Locke J. *Essays*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl', 1985. 627 p. (In Russ.).
 33. Ryle G. *Concept of Consciousness*. Moscow, Idea-Press, House of Intellectual Books, 1999. 408 p. P. 162. (In Russ.).
 34. Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk University, 1997. 320 p. P. 38. (In Russ.).
 35. Goltsev D. Gnoseology of John Locke. *Christian reading*. 2008. No. 29. P. 201–221. (In Russ.).
 36. Rozhin D.O. Apriorism of Immanuel Kant and Discussion between Empiricists and Nativists in Modern Cognitive Science. *Philosophical Journal*. 2025. No. 1. P. 101–116. (In Russ.).
 37. Fodor J.A. *The Language of Thought*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1975. 214 p. P. 65.
 38. Fodor J.A. *Representations*. Cambridge, MA, MIT Press, 1981. 343 p. P. 272.
 39. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, MA, MIT Press, 1983. 283 p.
 40. Chomsky N. Language and Problems of Knowledge. *Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology*. 1995. No. 4. P. 130–157. (In Russ.).
 41. Piaget J. Psychogenesis of Knowledge and its Epistemological Significance. In: Piaget J. *Semiotics*. Moscow, Raduga, 1983. 634 p. P. 90–101. (In Russ.).

Шифр специальности: 5.7.8 Философская антропология, философия культуры (философские науки); 5.7.2 История философии; 5.7.1. Онтология и теория познания.

Информация об авторе

И.Н. Титаренко – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии. 347928, г. Таганрог, ул. Чехова, д. 22, А.

Information about the author

I.N. Titarenko – D. Sc. in Philosophy, Associate Professor, Professor of Philosophy Department. 22, A Chekhova Street, Taganrog, 347928.

Статья поступила в редакцию 2.06.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 20.06.2026.

The article was submitted 2.06.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 20.06.2026.